

А.В. Петров
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА СЕВЕРА В ПОЭЗИИ ДМИТРИЯ УШАКОВА

В статье рассматривается концептуализация образа Севера в творчестве поэта Дмитрия Алексеевича Ушакова, одного из создателей Северного текста русской литературы как локального сверхтекста. Концепт СЕВЕР в контексте произведений поэта перекрещивается с концептом РОДИНА, представлены они прежде всего главными лексемами и их производными.

Дмитрий Ушаков, концептуализация, северный текст, олицетворение, синтагматика.

В последние годы значительно возрос интерес филологов к изучению локальных художественных сверхтекстов, которые воспринимаются формами выражения национального менталитета в его региональном варианте. На протяжении ряда лет разрабатывается учение о так называемом Северном тексте русской литературы, который объединяет произведения о природе и истории Русского Севера, о жизни и труде северян, о специфике северного характера. Тем не менее, северный текст в большей степени явление не тематическое, а ментальное, поскольку оно отражает особый северорусский вариант национальной картины мира, создает особый мифопоэтический образ Русского Севера.

Е.Ш. Галимова пишет: «Цельность такого много-составного явления, как Северный текст, обеспечивается, прежде всего, его глубинным подтекстовым (сверхтекстовым) смыслом, который выявляется в процессе исследования. И именно этот смысл определяет уникальность Северного текста. С нашей точки зрения, сущность этого сверхэмпирического смысла – в восприятии Русского Севера как мифопоэтического пространства, таящего в себе в «запечатленном» виде загадку русской жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души Руси, а также тайну русского поэтического слова» [2, с. 16].

Наблюдения А.М. Любомудрова позволили ему прийти к интересным выводам: «Север России – особый культурно-исторический регион, занимающий неповторимое место в русской духовной культуре. В литературном творчестве Север порождает стремление к глубине, философской медитации. Созданные здесь произведения отличаются неторопливостью действия, созерцательностью, и в них нет следов пост-модернизма, признаков разорванности сознания, формотворческих экспериментов. <...> для всех писателей-северян характерна онтологическая серьезность, ощущение вечности, видение исторической перспективы, утверждение ценностей, среди которых важнейшие – труд, подвиг, жертва, товарищество» [5, с. 17]. У него же читаем: «Северные поэты творят в русле традиционной поэзии, знают цену слову и никогда не делают его средством развлечения или само-

цельной игры метафор. Писатели-северяне – художники подлинно национальные, очень русские, поскольку происходят от корней, от истоков России. Тема Родины, и малой, и великой, для них – главная» [5, с. 18].

Я право свое предъявляю на Север, – заявил в начале творческого пути Дмитрий Алексеевич Ушаков (1932–2011) и остался верен родному краю до конца жизни. Читая Ушакова, отмечаешь его завидное постоянство в пристрастиях, символах, заголовках. Все его творчество безраздельно принадлежит Северу.

Два сборника Дмитрия Ушакова носят название «Север-батюшко», один вышел в Архангельске в 1973 году, другой – в Москве в 1989 году, так же озаглавлен раздел еще в одном поэтическом сборнике. Одна из первых книг поэта названа откровенно и честно – «Север – любовь моя» (Архангельск, 1964). Не может не обратить на себя внимания заголовок «Близкий Север» (Москва, 2000), это замечательное словосочетание четырежды появится в названиях разделов других книг. А удивительная по красоте поэтическая фраза Д. Ушакова *Мой Север, скупой чародей!* по праву стала крылатой для читателей северной литературы. Прямое отношение к Северу как к источнику вдохновения имеют книжные заголовки: «Морошка» (Москва, 1968), «Метельный май» (Москва, 1974), «Беловодье» (Архангельск, 1983), «У полярных широт» (Архангельск, 2002).

И еще одно выстраданное название представляется особенно дорогим для Д.А. Ушакова, оно встречается чаще всего – «Степень родства», так названы сборник, вышедший в Архангельске в 1969 году, и разделы в пяти других сборниках. *Родство, Родина, родное* – не пустые слова для поэта, который всем своим существом ощущал тесную связь с родной землей. Уже в дебютном сборнике «Иду к тебе» (Архангельск, 1959) первый раздел знаково назван «В родном краю».

Самые сокровенные, самые пронзительные стихи поэт помещает в разделы, которые трижды называет одинаково – «Признание», подчеркивая предельную откровенность чувств лирического героя. Такие повторы представляются символическими, значимыми,

они воспринимаются ключевыми для понимания творческого наследия писателя.

И еще одна важная тема неизменно присутствует в творчестве Дмитрия Ушакова и находит отражение в заголовках. Море – несостоявшаяся профессия, детская мечта, которая все-таки отчасти была осуществлена в зрелом возрасте. Уже будучи ответственным секретарем Архангельского регионального отделения Союза писателей СССР, Д.А. Ушаков отправляется матросом в плавание в арктические широты на судах Северного морского пароходства, об этом он позднее подробно расскажет в своих повестях «Июль – месяц белый» и «Арктический ход», стихам на морские темы неизменно будет отведено немалое место в большинстве его поэтических книг. Говорящее название сборника «Рабочее море» (Москва, 1980) еще трижды будет повторено в качестве заголовка разделов других сборников.

Дмитрий Ушаков всегда был верен своей малой родине, стороне лесной и озерной. Милая его сердцу Шожма, пожалуй, чаще всего прочего упоминается в его поэтических и прозаических произведениях. Шожма – деревня, станция, река, озеро... Какое приятное на слух и ласковое для губ название – мягкое, домашнее, родное! Как легко и выразительно оно ложится в поэтическую строку: *Деревня Шожма так приметна: / Она, вбежавши на угор, / Со всех сторон открылась ветру, / Открыла людям каждый двор* («Моя деревня»); *Речка Шожма, / попил я водицы / на твоей / прозрачной быстрине... / Все бы петь, / звенеть тебе, / резвиться / на заре, / при звездах, / при луне* («Речка Шожма»); *Приезжаю на озеро Шожма. / Отдыхает душа. Благодать. / Здесь бы расцвет и закат не тревожны, / Здесь бы можно и век вековать* («Приезжаю на озеро Шожма...»); *Разбуди, проводник, перед станцией Шожма: / Будет ночь и луна, и в дернинах откос...* («Отчина»).

В одном из стихотворений Дмитрий Ушаков вопрошает: *От Севера можно уехать, / Но можно ли от себя?* («О Севере»). Ответ ему ясен, он в нем уверен. Конечно, нельзя. Поэт так говорит о себе: «Люди и природа Русского Севера – вот предмет и содержание моей поэзии. Как и в судьбе каждого литератора, бывали у меня поездки в заполярные пределы, плаванья по студеным северным морям, командировки в зарубежные страны. Но на склоне лет сердце опять притянуло к заветным местам детства и юности. Большую часть последующих лет живу в Шожме, в дедовском доме, дружу с земляками, брожу по звериным тропам. И ищу поэтические строки...» [9, с. 191].

Очень частотна в стихотворениях Дмитрия Ушакова лексема *север*, но лишь однажды встретилось ее написание со строчной буквы: *Гуси тянулись к югу, / Шли корабли на север, / Туда, где полярная вьюга / Простор океана засеяла* («Мужество»); в данном случае север выступает просто как обозначение стороны света, впрочем, как и в следующем контексте: *Капитан улетает на Север, / А на юге осталась жена* («Встреча») – однако здесь появляется прописная буква, видимо, для автора важно указать не просто направление полета героя, но и наименовать край.

На Север – именно это предположно-падежное сочетание довольно часто встречается в поэтическом

контексте Д. Ушакова, поскольку такое направление наиболее близко поэту, на Север всегда стремилась его душа: *Оставит всё, спешит на Север – / Он не за тридевять земель. / Снегами щедро он засеян, / Закутан в белую метель* («Тоскуя по родному краю...»); *Брошу всё – да и баста! – / Чтоб на Север лететь, / Чтоб сказать ему: «Здравствуй!», / Чтобы душу согреть* («Северный ветер»).

На Север всегда указывает стрелка компаса, на Север ориентирует путников Полярная звезда: *Она указала на Север – / Но знаю я, там холода, / Снегами простор там засеян... / Зачем мне на Север, звезда? <...> А всё же на Север наставим / Мы компасу стрелку, звезда!* («Полярная звезда»); *Но вот затеплилась звезда. / Без остановки пролетают / Под ней на Север поезда* («Ждёт на перроне одиноко...»). Именно на Север лирический герой стремится увезти свою возлюбленную: *Не за-ради зряшного каприза / И ещё скажу – не для похвал / От холодных городских карнизов / Я тебя на Север бы умчал* («Предложение»). Обращает на себя внимание повторяющаяся метафора: снег засеивает северные просторы, подобно тому, как засеивается пашня зерном (см. примеры выше).

На Север прокладывает морские пути-дороги корабль, когда сбылась мечта поэта о моряцких буднях: *О чём писать? / О том, что морем серым, / Похожим на архангельский асфальт, / Не отклоняясь далеко на Север, / Идём уже который день подряд* («Морские будни»). На Север стремится лирический герой, пресытившись красотами и благами юга: *Погулял по кавказским высотам, / Минеральной воды пропустил... / Только было на Север охота, / Так охота, что не было сил* («Север и Кавказ»).

В интервью поэт признается: «Гуси на север полетели (в марте или апреле, когда какой месяц теплый) – я тут же собираюсь, с женой прощаюсь и уезжаю в свою Шожму. Живу до тех пор, пока меня оттуда холода не выгонят» [4, с. 152]: *А гуси на Север опять устремляют полет...* («Поморью»); *На Север гуси тянутся, и мне / За ними вслед теперь торить дороги* («Вот так всегда. Бунтую по весне...»).

Лирический герой Д. Ушакова печален, когда нет возможности отправиться на родной Север: *Пусть поезда, качаясь гулко, / Летят на Север без меня* («И вот несу печаль иную...»); *Ста краям мои дороги розданы, / Только не исполнена одна. / Повернуть ей к Северу не выпало, / Потому страдаю и скорблю* («Неизбывный свет»); он завидует летящим за окнами поезда рощам, когда возвращается с Севера: *Мчит поезд быстрее и быстрее – / На Север озябшие рощи / Летят, словно клин журавлей* («Всё чаще немые укоры...»).

Север – родной, близкий для поэта край, который он по праву называет своим: *Вновь будет на Север мой белый / Дорога желанно-легка* («Желанная дорога»); *За что же серым Север мой зовут?* («А всё-таки Двина зимой не спит...») – здесь весьма показательны цветочные эпитеты, характеризующие Север: *белый, серый; Кто смело так сумел распорядиться, / Кто Северу родному подарил / Ночь белую и алые зарницы, / И день, согретый разноцветьем крыл?* («Эта ночь»); поэт ощущает неразрывную связь с Севером, он для

него остается желанным: *Я знаю, я помню всей болью, / Которой в разлуке казнюсь, / Что смертною только юдолью / Я с Севером разоидусь* («О Севере»); *Чтоб снова я понял, как святы / Родимые с детства места. / Чтоб в сердце, привыкшем к утратам, / Был Север желанным всегда* («Давно бы пора по завету...»).

Органично в поэзии Д. Ушакова звучат слова признания, обращенные к Северу: *Пусть впереди ещё немало странствий, / Немало путевых ветров взлетит. / Я нахожу опору в постоянстве, / В невысказанной к Северу любви* («Над Рижским взморьем белые туманы...»); *И в сменах сумрачного дня, / И в холоданьи звёзд падучих / Поёт душа... Куда уж лучше? / И дорог Север для меня!* («Узорочье тех зимних дней...»); экспрессивные восклицания, связанные с Севером: *Теперь-то Север не остынет / И не померкнет никогда!* («У Северного полюса»); *Выбирай – весь Север предлагаю!* («Предложение»).

Запросто непосредственно к Северу обращается лирический герой с просьбой: *Прошу тебя, Север, напомни / Хоть шорохом ветра о том, / Какою ты синью наполнен, / Каким напоён ты теплом* («О Севере»); с оправданием: *Север мой, тебе я не лукавил, / Жил всегда твоею красотой* («Недоля»); с восхищением: *О Север, какой ты огромный!* («О Севере»); с укором: *Какой же ты батюшко, Север, / Коль выстудил ветер леса, / Метель луговины засеяла, / Мороз опалил небеса?* («Север-батюшко»); *Так что же ты, Север, укором мне стал? / Я, право, тебя не хотел бы порочить...* («В белые ночи»).

Север олицетворяется в поэтическом контексте: *Ты вправде, Север, быть суровым – / Нахмурено твое лицо...* («На Родине»); он предстает то батюшкой, то чародеем, то старожилом: *Но так нарекли тебя люди. / Знать не было края родней. / И зваться ты батюшкой будешь, / Мой Север, скупой чародей!* («Север-батюшко»); *То в круговерти этой дикой, / В раскованности буйных сил, / Он вновь проявится, великий, / Поморский Север-старожил* («Перелом»); Север оказывается способным согреть, поманить, приветить: *Душа помаленьку оттаёт, / Согретая Севером вновь* («Разлука все горше и горше...»); *Север, не нас ли он манит / И привечает везде?..* («Если не будет исхода...»).

Встретилось в стихах Д. Ушакова и такое оригинальное приложение, характеризующее Север: *Ах, Север – России подворье, / Ты дорог и люб по весне...* («От Чёрного к Белому морю...») – здесь также используются обращение, восклицание, признание в добрых чувствах по отношению к Северу.

И не беда, что Север не балует солнечной теплой погодой: *Север на солнышко скуп* («Если не будет исхода...»); *Погоды то ль худшей, то ль лучшей, / Гадаю, от Севера жди* («О главном»); что весна на Север приходит очень неторопливо: *У нас и версты неторопки, / У нас в привычку стало ждать, / Когда-то к Северу по тропкам / Весна сумеет добежать* («Перелом»); все равно Север близок и дорог поэту.

Прилагательное *северный* в поэтическом контексте Дмитрия Ушакова, прежде всего, номинирует и характеризует родной край поэта, который для него хорош в любое время года: *В крови моей искры полярных сияний, / А песни о северном крае просты... / Не*

могут меня отдалить расстоянья / От нежно-суровой его красоты («Я право своё предъявляю на Север...»); *Опять заневестилась в северном крае весна* («Обновленье»); *Да, нелёгкая година / В нашем северном краю... / Потому-то о рябинах / И о листьях – не пою* («Вся земля в опавших листьях...»); пусть даже он и представляется угрюмым: *Смотрю – и за думою дума / Так душу тревожат мою – / О северном крае угрюмом, / О людях, что в этом краю* («О земляках-лесорубах»). Встретилось нам и такое, весьма экспрессивное восклицательное обращение: *Ах, ты, чёртушко, чудо, мой северный край!* («Перепутались краски...»).

Прилагательное *северный* органично сочетается в одном контексте со словами *родина, родной*: *Ах, журавли! Я с трепетом веселым / Смотрю на ваши серые крыла. / Я знал вас раньше. Вы не новоселы. / Вас северная родина ждала* («Журавлиный хоровод»); *Не беднеть, / не стыть родному краю, / северной, / таёжной стороне...* («Речка Шожма»); а также с эпитетами *милый, добрый, ласковый*: *Живётся одиноко мне и странно / Вдали от милой северной земли* («Над Рижским взморьем белые туманы...»); *И еще, поэт, посетуй, / Что порой дороги шли / Мимо ласковой, рассветной, / Доброй северной земли* («Ты не сетуй понапрасну...»).

Сухое географическое обозначение *северные широты* в поэзии Д. Ушакова звучит довольно выразительно: *В наших северных широтах / Так пекло, что спасу нет* («Жарынь-жара»); *Опять нагрелась острада, / Опять от северных широт – / И злого ветра перебуды, / И снежных вихрей заворот* («Остуда»); *Возвратятся пилигримы – гуси / На просторы северных широт* («Пути веков»).

Прилагательное *северный* способно приобрести качественный оттенок значения в поэтическом контексте, так

северное лето – ‘стремительное, прохладное, обманчивое’: *Уходило северное лето / на заре, / при звёздах, / при луне* («Речка Шожма»); *Не ведаешь, как нежно я люблю / Стремительное северное лето* («Мечу я сено...»); *Отпевая северное лето, / Журавли проносятся высоко* («Морошка»);

северный ветер – ‘холодный, пронзительный’: *И не думал, не ведал, / Что проймёт и доймёт / Этот северный ветер, / Лишь крылами взмахнёт* («Северный ветер»);

северные ночи – ‘беспредельные, прозрачные’: *Не знаю, какие пределы / У северных этих ночей...* («Белоночье»);

северный дождь – ‘хмурый, неласковый’: *Северный дождичек хмурый...* («Вечная тема»).

Однако даже без нарочитого окачества это прилагательное представляется позитивно окрашенным, поскольку атрибутирует связанные с Севером реалии, которые уже поэтом лирическому герою дороги, а потому соседствуют с соответствующими определениями: *Да ощуценьем хорошей / Северной нашей весны* («Рано я на берег вышел...»); *Опять в моих северных рощах / Тропинки торю налегке* («Опять в моих северных рощах...»); *Словно лодочка, плывёт-плывёт Россией / Этот северный хороший городок* («Городок»); *Не привезу я лилий северных...* /

Нежны, прозрачны и легки, / Они, как звёздочки, рас-
сеяны / По заводям лесной реки («Не привезу я лилий
северных...»).

И даже без подобных определений само по себе
прилагательное *северный* в поэзии Д. Ушакова приоб-
ретаёт положительную коннотацию как характерис-
тика реалий родного и любимого поэтом края: *Как
снега, я развеял разлуку / По излучинам северных рек*
(«Исповедь»); *Вы не плачьте, озерные гуси, / Улетая
от северных мхов* («Потери»); *И счастливо сердце
застучало / Среди укосных северных равнин... / Жизнь
всегда вернет тебя к началу, / И напомним, чей ты все
же сын* («Травы»); *И эти северные дали / Не просто
мой тревожат взгляд... / Они меня не провожали, /
И, может быть, не ждут назад* («Завет»); *Как стран-
но, вы в столице, я вот тут – / В почти пустынной
северной деревне* («Надежды»); *В деревушке северной
где-то / Земляки моей восточки ждут...* («На крейсере
“Варяг”»); *Как странно: далеко вы – я вот тут, /
В полуобжитой северной деревне* («Надежда»).

Не меньшим выразительным потенциалом обла-
дает и слово *северянин*, обозначающее уроженца и
жителя Севера: *Я северянин. Что ни говори, / Лишь в
том краю моих желаний бухта* («Вот так всегда. Бун-
тую по весне...»); *Вот такая страшная мука / Севе-
рянам досталась с войны* («Невосполнимое»);
*...Земляки-северяне, / Да нам ли природу хулить? – /
Когда на таких расстояньях / Нам выпала долюшка
жить!* («О главном»).

С концептом СЕВЕР в творчестве Дмитрия Уша-
кова напрямую связан и концепт РОДИНА.

Под словом *Родина* поэт чаще всего понимает
родной северный край, свою малую родину, однако
любовь к ней предполагает такое же чувство и к
большой Родине, Отечеству: *На родине я – краше нет
судьбы! <...> Всё та же родина. Всё те же / На
взгорках проблески огней...* («На Родине»); *И потому
не беспричинно / Я поклоняюсь вновь и вновь / Реке и
лесу – двум былинам, / Творящим к Родине любовь*
(«Который год по тропкам росным...»); *Но с каждым
новым шагом / Родину я глубже познавал* («Малая
родина»); *Справа речка, слева озеро, / Между ними
прозелень болота. / Это малой родины лицо, / И в
него взглядеться мне охота* («Малая родина»); *И ма-
лая родина, вроде, / Всё так же приветна ко мне*
(«Вечная страдалница»); *Разоренье малых родин на-
ших – / Это гибель всех иных краин* («Малая родина»).

Прилагательное *родной* имеет значения: 1) ‘со-
стоящий в родстве’, 2) ‘свой по рождению, по духу,
по привычкам’, 3) ‘дорогой, милый (при обращении)’
[6, с. 680]. В поэтическом контексте, прежде всего,
проявляется второе значение, однако создается впе-
чатление, что оно пересекается с двумя другими. Рас-
смотрим синтагматику.

Край: *Где разбою этому начало, / Что совсем по-
губит край родной?* («Малая родина»); *Ну, как на
речь родного края / Мне не откликнуться строкой?*
(«Что может быть милей и проще...»); *Тоскуя по род-
ному краю, / К загаданному рубежу / Который год не
приезжаю, / Который год не прихожу* («Тоскуя по
родному краю...»).

Сторона, пределы: *Границ и пределов не надо
иных, / С родной стороною я накрепко связан. / Я вы-*

*рос в просторах ее буревых, / Одной ей – и жизнью и
песней обязан* («Счастье»); *Ты встаёшь в красе неви-
данной, / Сторона моя родная, / Словно девушка на
выданье, / Красотой своей пленяя* («Ты встаёшь в
красе невиданной...»); *А ещё по очень добрым сказ-
кам, / Что живут в сторонкушке родной* («Родная
сторона»); *И остаток дней своих / Посвяти родным
пределам, / Чтоб по праву петь о них* («Ты не сетуй
понапрасну...»).

Природные объекты: *Хотел бы я помочь родной
природе, / Но чем помочь на деле я смогу?* («Снега не
просто стают, а вольются...»); *С собой в поход далё-
кий / Взяв горсть родной земли* («Об удали помо-
ров...»); *Родные чащобы и пожни, / Вновь с вами пе-
чалью делюсь...* («Опять в моих северных рощах...»).

Созданное человеком: *Но родные пороги / Лежат
впереди* («Ой, Россия, Россия!...»); *Вдруг запевали
грустно россияне / О стороне, в которой дом родной*
(«Как выходили прадеды в матросы?...»); *И, устав и
промёрзнув до дрожи, / Возвратиться в родную де-
ревню* («Я пришёл из далёкого края...»).

Синонимом слову *родной* является прилагатель-
ное *родимый*, тем не менее, оно по сравнению с пер-
вым представляется более искренним, проникновен-
ным. Рассмотрим синтагматику.

Край: *Мне хватает и собственной грусти, / Я в
родимом краю нездоров* («Потери»); *Что висают
над родимым краем / Два чёрных неприветливых
крыла* («В просторах ночи»); *Вот они... Дело дедов
продолжив, / По-хозяйски в родимом краю, / Как ска-
зало им сердце, как должно, / Совершают работу
свою* («Хлеб да соль»).

Земля, места, пределы: *Я подобных затей не при-
емлю... / Сиротливым безмолвием стен / Оскудили
родимую землю / И замкнули красу её в плен* («По
приказу свезли воедино...»); *Чтоб снова я понял, как
святы / Родимые с детства места* («Давно бы пора
по завету...»); *А лебеди плачут на озере дальнем, /
Тоскуют они о родимых пределах...* («Опять этот ве-
тер, гудящий в трубе...»); *К земле родимой молча
прикоснись, / Она своим дыханьем обогреет* («Ма-
линники на старых вырубках...»).

Природные объекты: *Потащила без спросу бы / в
ту родимую даль, / где морозною проседью / зады-
мился асфальт* («Три тысячи вёрст»); *До чего же хо-
рошо на свете, / Вновь родимым воздухом дышу!*
(«Травы»).

Созданное человеком: *Скудеют родимые веси...*
(«Размышления у зимней речки»); *И ушёл я к роди-
мому дому / На исходе весёлого дня* («Посулила судь-
ба перемену...»); *А с этим теплее и проще / В пути и
в родимом дому...* («У всех каргопольских церкву-
шек...»).

С Родиной напрямую связаны слова *род*, *родник*:
*Корень рода был здесь. / Да повыбиты корни, / Заму-
тились далекой поры родники* («Отчина»).

Концепт РОДИНА представлен в поэзии Д. Уша-
кова и словообразовательными гнездами с вершинами
отец, батя, дед, традиционно соотносимыми с поня-
тием *родной*.

Отчий, отеческий, отцовский, отчина:

Край: *Только не считайте бедолагой – / Я свой
отчий край не выбирал* («Малая родина»); *Мой от-*

чий край, тебя таким я вижу, / Таким благословляю и пою... / Но за судьбу твою тревожусь трижды, / Когда о планах рубки узнаю («Снега не просто стают, а вольтуют...»); Ах, **отчий** край! Как много перекосов / Не минуло тебя, не обошло («В просторах ночи»); К заветному **отчому** краю / Полечу, чтоб ему поклониться («Новоселья»); Как же так получилось, что **отчину** помня, / Навещаем ее в отпускные деньки? («Отчина»).

Дом: **Отчий** дом, не забытый – Навеки родной («Ой, Россия, Россия!...»); И двухэтажный **отчий** дом – / Лишь это только изначально («Архангельску»); Но главное – люди не сдали, / Держась за **отеческий** дом («О главном»); Сползает частый дождик с крыши... / И всё я думаю о том, / Что снова родину я слышу, / Что навестил **отцовский** дом («На Родине»); И всё мне кажется порой, / Что я опять живу, мальчишка, / В избе **отцовской** под горой («Родине»).

Пределы, уголок, корень: И всё это в **отчих** пределах, / В которых рождён я и рос... («Озёра Севера»); Ведь как река стремится к океану, / Так я стремился в **отчий** уголок («Отчина»); Здесь **отчий** корень мой («Родня»).

Батькин, дедов: Казалось мне, что все дороги / Сходились к **батькиной** избе <...> Но, как всегда, меня дорога / Приводит к **батькиной** избе («Родине»); Но много лет я в **дедовой** избушке, – / Так время загадало, – не бывал («Отчина»); Там **дедова** горбатилась избёнка... («Детство»).

Необходимо отметить и активное употребление притяжательного местоимения *мой* в атрибутивной функции для обозначения родных для поэта мест.

Край, сторона: Зимой и весной / **мой** край неизменно красив («Поморью»); Говорят, что особой поэзии нет / В стороне **моей**, / Гулкой от светлых метелей... («Говорят, что особой поэзии нет...»); Что мне осень, и весна, и лето, / Если избы здесь трухлявей пней, / Если даже малого просвета / Нет в судьбе сторонюшки **моей** («Безвременье»).

Земля: Смогу ли я за них додумать, / За них прикинуть и понять?... / Но из земли **моей** узрюмой / Ни одного мне не поднять («О сверстниках»); Журавли, оставьте песню! / Вас уносит вдаль тоска. / А земля **моя** чудесна, / Так мила и так близка («Белки трудятся на славу...»).

Станция, деревня: Всё чаще обиды и ссоры / На станции малой **моей** («Всё чаще немые укоры...»); **Моя** деревня, почему – не знаю, / Ты стала вдруг желанной и родной («Я в Шожме не был года три, пожалуй...»).

Для наименования Севера Д. Ушаков использует выразительные описательные выражения в основном со словами *край*, *сторона*, *земля*, указывающие:

- на географическое положение: Знать, творится неладное что-то / В **приполярном** пределе земли («Об экологии»); Вот и пойми, какие были души, / Как преданно любить они могли, / Штормами и ветрами перестуженный, / Неласковый **полярный край** земли («Как выходили прадеды в матросы?...»); Волнует этот, **русский край** земли («На Родине») – слово *край* здесь выступает в значении ‘предельная часть’ [6, с. 303]; Я пришёл из **далёкого края**, / Из лесов величавых и древних, / Где полярные зори играют, / Поджигая вершины деревьев («Я пришёл из далёко-

го края...»); Мой поезд под стук-перестук / Уносит к **полярному краю** / Незримую тяжесть разлук («Разлука») – *край* ‘страна, область’ [6, с. 303];

- на природные особенности: Хлеб да соль **сторонне** незакатной, / И поклон от её сыновей... / Далёко улетали когда-то, / Но не видели края светлей («Хлеб да соль»); И сердце тягостно холонет / Среди панелей и камней / И стонет, горестно так стонет / По **вьюжной родине** моей («Индустриальный пейзаж»); Соберётся птичья стая, **край остуженный** покинет... («Грусть»); Так обжигались. Горестно, но прочно, / Порой тянули из последних сил... / Чтоб стал навеки **край полярной ночи** / Частицею Руси («Под сполохи полярного сиянья...»); В заполярный посёлок уехала ты, / В **край студёных ветров и сплошной мерзлоты**... («В заполярный посёлок уехала ты...»); Возьми мои песни, / рассыпь в **ледяном краю**... («Поморью»);

- на историко-культурный статус: Беднеет мой **край вековой**... («Размышления у зимней речки»); Нет, мы не бедны на щедроты / В **краях, вековечных, как Русь**... («О главном»); Вот вскроются реки. И вскоре / Разгонят волну корабли, / Пробившись сквозь Белое море / До нашей **поморской земли** («Желанная дорога»); Я уезжаю. Так, наверно, лучше. / Меня **поморская** излечит **сторона** («Утрата»);

- на субъективную характеристику: Далёкий путь торить не в тягость мне / В **заветный край, единственный на свете** («Вот так всегда. Бунтую по весне...»); У судьбы прошу одной я милости – / Дай хоть напоследок порадеть: / В том **краю, где довелось мне вырасти**, / Пусть мне доведётся умереть («Неизбывный свет»); Нет **края суровой и прощя** («У Белого моря»).

В. Рогачев пишет о Дмитрие Ушакове и его творчестве: «Он – лирик, который в лучших своих вещах философичен без ригоризма, правдив. <...> в его стихах очень много света, сконцентрированном на очень малом пространстве – то, что мы понимаем под словами “сердце”, “душа”» [8, с. 124]. Рецензент О. Гладышева отмечает: «Его Север не манит приветливостью угоров, не печалит кротостью деревянных куполов, не тешит сердце размахом индустрии. Его Север – поморский, сдержанный. Он блекло-голубой, белесый, серебряный, в “негаснущем белом огне”» [3, с. 123]. У Евгения Богданова читаем: «Через все творчество Дмитрия Ушакова красной строкой проходит глубокая любовь к Родине, к Северу, к его людям – честным, прямым и отважным» [1, с. 4].

Осязаемо родными и близкими представляются образы и картины, вышедшие из-под пера Дмитрия Ушакова, и хочется воскликнуть вслед за поэтом: Но я в **краях иных, не здешних**, / Уверовал без лишних слов, / Что только Север мне завещан, / Что только им я жив-здоров («До смертных лет»). Подробнее о концептуализации образа Севера в творчестве поэта с помощью различных лингвистических средств (топонимов, фольклоризмов, диалектизмов, профессионализмов и др.) см. в нашей работе [7, с. 82–113].

Литература

1. Богданов, Е. С любовью к земле родной / Е. Богданов // Правда Севера. – 1982. – 15 сентября. – С. 4.

2. Галимова, Е.Ш. Поэзия пространства: образы моря, реки, леса, болота, тундры и мотив пути в Северном тексте русской литературы / Е.Ш. Галимова. – Архангельск, 2013. – 128 с.
3. Гладышева, О. Лики Севера / О. Гладышева // Север. – 1974. – № 2. – С. 123–124.
4. Доморощенин, С.Н. «Я немножко тоже Русь»: сборник интервью с писателями / С.Н. Доморощенин. – Архангельск: КИРА, 2013. – 325 с.
5. Любомудров, А.М. Север России в истории русской литературы XX века (по материалам словаря Пушкинского Дома) / А.М. Любомудров // Северный текст русской литературы. – Архангельск, 2009. – Вып. 1. – С. 5–19.
6. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Москва, 1991. – 917 с.
7. Петров, А.В. Север в северной поэзии: лингвистический аспект: монография / А.В. Петров. – Архангельск: КИРА, 2018. – 121 с.
8. Рогачев, В. Доверяя личному чувству / В. Рогачев // Север. – 1970. – № 7. – С. 124–125.
9. Ушаков, Д.А. Из лирической тетради / Д.А. Ушаков // Спохохи. – Архангельск, 1992. – Вып. 2. – С. 191–201.

A.V. Petrov

CONCEPTUALIZATION OF THE IMAGE OF THE NORTH IN THE POETRY BY DMITRY USHAKOV

The article deals with the conceptualization of the image of the North in the poetical works by Dmitry Ushakov, one of the creators of the Northern text as a local supertext in Russian literature. The concept NORTH in the context of the works by D.Ushakov has something in common with the concept MOTHERLAND. Both concepts are primarily represented by capital lexemes and their derivatives.

Dmitry Ushakov, conceptualization, Northern text, personification, syntagmatics.